

Проф. *М. Н. Поповъ*. Къ патологiи безсонницы.—Архивъ психіатріи etc. 1897, № 1.

Авторъ наблюдалъ троихъ студентовъ—грузинъ, которые по приѣздѣ въ Томскъ быстро подверглись особаго рода заболѣванію, которое въ концѣ концовъ сдѣлалось настолько серьезнымъ и тяжелымъ, что дальнѣйшее пребываніе ихъ въ Сибири оказалось почти невозможнымъ. Болѣзнь эта касалась области сна и заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что эти уроженцы юга съ наступленіемъ холодовъ подвергались мучительнѣйшей безсонницѣ. У всѣхъ троихъ субъектовъ эта безсонница была почти тождественна по своему развитію и по своимъ особенностямъ. Самой характерной чертой ея являлось то, что она усиливалась пропорціонально возрастанію холода и уменьшалась по мѣрѣ повышенія температуры. Наибольшей силы она достигала въ зимніе мѣсяцы—Декабрь, Январь и Февраль, причемъ доходило до того, что больные совсѣмъ не спали, а лишь подгружались въ полудремотное состояніе на 1—1½ часа въ сутки. Сонъ въ это время бываетъ крайне тревожный, прерывистый, съ ужасающими сновидѣніями, отъ которыхъ больные постоянно просыпаются. Освѣженія такой сонъ не приноситъ, наоборотъ: утромъ чувствуется вялость, разбитость, усталость, крайняя неохота къ умственной и физической работѣ и рѣзкое ослабленіе вниманія. Слушаніе лекцій для этихъ больныхъ студентовъ становилось необыкновенно мучительнымъ, потому что ихъ мысль постоянно отвлекалась въ сторону. Усиленіе безсонницы сообразно возрастанію холода поражаетъ своею пунктуальностью: начинается она обыкновенно съ Октября и достигаетъ своего максимума уже въ Декабрь, затѣмъ въ Мартѣ обыкновенно ослабѣваетъ. Если больной уѣзжаетъ на родину, то отъ бывшей безсонницы не остается никакого слѣда: почти сразу сонъ возвращается къ нормѣ. Замѣчательно, что днемъ, когда t° обыкновенно вдвое теплѣе ночной, появляется часто наклонность ко сну, но въ большинствѣ случаевъ и тогда больные не могутъ хорошо уснуть. Комнатная t° никакой роли не играетъ: больные пробовали спать даже въ жарко натопленныхъ помѣщеніяхъ, но благопріятнаго результата абсолютно не получалось. Если больнымъ приходилось заниматься умственнымъ трудомъ, то болѣзненные явленія безсонницы ухудшались. Другихъ болѣзненныхъ явленій, кромѣ безсонницы, не наблюдалось: субъек-

ты отличались крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, признаковъ дегенерациі не обнаруживали и отличались на родинѣ замѣчательной выносливостью. Лечение названныхъ больныхъ было почти безплоднымъ. Самымъ лучшимъ средствомъ оказывается возвращеніе на родину: какъ только больной призываетъ къ себѣ домой, бессонница исчезаетъ почти тотчасъ же, а вмѣстѣ съ этимъ начинается постепенно улучшаться и общее состояніе.

Описанныя авторомъ наблюденія представляются крайне интересными по рѣдкости и по своеобразному симптомокомплексу болѣзненныхъ явленій.

Б. И. Воротынский.

A. Cramer. Pathologisch-anatomischer Befund in einem acutem Fall der Paranoiagruppe. (Archiv für Psychiatrie, Bd. 29, Heft. 1. pg. 1—24).

Авторъ описываетъ случай острого галлюцинаторнаго помѣшательства, развившагося черезъ 10 дней послѣ паденія съ лошади (причемъ никакихъ прямыхъ послѣдствій не было) и послѣ повторныхъ излишествъ *in potu*. Больной, вполне здоровый 24-лѣтній мужчина, безъ наследственнаго предрасположенія, умеръ черезъ недѣлю послѣ заболѣванія.

Въ послѣдніе дни наблюдались высокая температура и бѣлокъ въ мочѣ. Этотъ случай представляетъ интересъ по тѣмъ патолого-анатомическимъ измѣненіямъ, которые были найдены въ мозгу. Твердая мозговая оболочка крѣпко сросшена съ черепомъ, на мягкой оболочкѣ сильная венозная гиперемія и точечныя кровоизліянія во влагалищахъ сосудовъ. Нервные клѣтки ясно набухли. *Granula Nissl'*я ясно нигдѣ не различаются, въ другихъ же отношеніяхъ клѣтки нормальны. Извилины мозга нѣсколько уплощены. Авторъ приводитъ нѣсколько подобныхъ случаевъ изъ литературы и особенно указываетъ на сращеніе *durae* съ черепомъ, что наблюдалось и въ 6 другихъ случаяхъ и что, по мнѣнію автора, было основной причиной заболѣванія. Паденіе съ лошади и алкогольныя излишества вызвали гиперемію мозга, которая не могла быть такъ скоро выравнена, потому что сращеніе *durae* съ черепомъ затрудняло кровообращеніе въ большихъ